

От автора

Тема этой книги — постепенное разрушение монолита советской системы в сфере сознания. Разрушенный монолит есть то, что обьвится миру в конце советской истории и станет символом этого конца.¹ Хотя повествование охватывает в основном промежуток с конца 1940-х до середины 1960-х годов, — это не история послевоенных лет: я старался понять время, конкретный период жизни моей страны и роль этого периода в пробуждении разномыслия.

Сомнения в правильности и единственности исторического выбора, который страна сделала после 1917 года, существовали всегда, однако в СССР *запрещалось открыто выражать такие сомнения, делиться ими, а в особенности предлагать и добиваться радикальных перемен в жизни общества*. И тем не менее путь развития был изменен. Не стану касаться всех причин, в силу которых это произошло. Одна из них, наиболее существенная для меня, — тектонические сдвиги в мировоззрении советских людей в эпилоге советской истории. Смена веж всегда надежно указывает на изменение направления вектора общественного сознания, его своеобразную *«контрэволюцию»*, которая неизбежно ведет к коллапсу социальной системы и, как следствие, резкому изменению курса развития. Советский Союз здесь не составил исключения.

Начало этих сдвигов традиционно связывается с осуждением культа личности Сталина на XX съезде КПСС, которое породило надежды на возможность реформ и диалога с властью. Власть тогда начала утрачивать свое безраздельное господство над людьми и уже не могла остановить *брожение умов*, вышедшее на поверхность общественной жизни. Гласность и открытие шлюзов разнообразной информации в перестроечный период придали этому брожению новые масштабы. «Взрывные смеси» свободной мысли начали

¹ См. эпиграф к книге; высказывание Т. де Шардена цитируется по: *Гранин Д. Жизнь не переделать. Повести и рассказы*. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. С. 293.

6 пробивать одну за другой бреши в каменной стене ортодоксального социального мышления. Стена не выдержала и рухнула. «Заряд, заложенный в 60-е гг., рванул в 80-е. Хотя этого, вероятно, никто не ожидал», — писал Ю. Левада, имея в виду результаты «подрывной деятельности» возрожденной в послевоенные годы социологии и сопредельных с нею дисциплин (Российская социологическая традиция 1994: 33). Однако свой достойный вклад в разрушение монолита советской системы внесли также литература и искусство «оттепельной» поры.

Большое значение имеет время, которое может считаться началом сложного процесса смены вех. Стало привычным вести отсчет от марта 1953 года, связывая ростки раскрепощения страны со смертью Сталина и хрущёвской «оттепелью». Восемь послевоенных лет, прошедших под знаком сталинской власти, были мрачным периодом советской истории, когда люди продолжали привычно молчать, будучи приученными к безгласному повиновению во времена «большого террора» 1930-х годов. «Никакое мыслимое противодействие, несогласие, инерция или эскапизм не имели ни малейшей возможности организовать, определить какие-то позиции, тем более быть услышанными. Голос организованной силы не выступает в качестве всеобщего, если он звучит в атмосфере молчания» (Левада 2001: 14).

Коллективность молчания в упомянутый период не вызывает сомнений. Но даже и в этом, казалось бы, тяжелом, безвыходном случае не исключались индивидуальная и групповая (в малых группах) рефлексия окружающей жизни и выражение разных мнений в «укрытиях», роль которых выполняли близкие люди, спаянные совместным переживанием частых бед и редких радостей тех лет.

Мостик к этой рефлексии прокладывался вполне естественным образом, если принять, что оптимизм минимально требовательных и кое в чем продвинувшихся (ядро классического советского общества) мог и должен был иметь альтернативой пессимизм выживших, максимально требовательных и ни в чем не преуспевших. Особый и малоисследованный феномен — переживание событий военных лет, опиравшееся на жестокую правду и трагедии, с которыми столкнулась едва ли не каждая семья. Среди выживших нередко можно было встретить людей, в принципе несогласных с устоями режима, хотя и вполне лояльных к нему. Российский историк Я. Лурье заметил, что эти люди становились «белыми воронами» в окружавшей их среде — провинциалами среди столичных представителей классических наук, «буржуазными спецами среди адептов исторического материализма, безродными космополитами среди патриотов-ученых 1940-х гг.» (Лурье Я. 2004: 14). Прав-

да, у носителей сознания (ментальности) «белых ворон» был своеобразный *modus vivendi*. Они не приходили в ужас от эгалитарных последствий «социального переворота», совершенного Октябрьской революцией, но подлинной опасностью считали «крайнее усиление общественных уз, все яснее проступавший облик грозного Левиафана» (Там же: 100).

Размышляя над всем этим и опираясь на опыт от прожитой жизни, я предположил, что не только в условиях «глобального потепления», наступившего в хрущёвскую эпоху, но и в условиях «вечной мерзлоты» сталинских послевоенных лет люди стремились оставаться самими собой, находя способы ухода от принуждения к единомыслию, что было в конечном счете одним из главных и решающих приемов удержания власти. Проследить этот тренд на примерах коллективных действий и переживаний нельзя. Тени «групповщины» и «заговоров» до сих пор преследуют едва ли не все ветви российской власти. Совершив переход с социетального уровня на уровень действий и поступков отдельного человека, я нашел подтверждение в высказываниях и воспоминаниях своих ровесников, чьи жизненные впечатления оказались созвучными моим собственным.

Приведу слова известного российского актера С. Юрского, которые послужили мне поддержкой и опорой: «Плоха была советская власть. Очень плоха. В такие тупики нас загнала, из которых выберемся ли — большой вопрос. Но опыт терпения, опыт тайной духовной жизни народа, опыт не только героического диссидентства, но и глубинного подспудного *сохранения себя как личности в толпе* (курсив мой. — Б.Ф.) — этот опыт бесценен» (Юрский 2005: 20).

По всей видимости, тоталитарный режим может мешать приобретению и обогащению такого опыта, но он не в силах «прекратить» тайную духовную жизнь, позволяющую человеку оставаться самим собой, находить в себе силы уйти от принудительного погружения в волны и потоки коллективного опыта и переживаний, в удушливую атмосферу единодушия. Если индивидуальность человека суть неповторимая совокупность его психических свойств, то различия в восприятии и отношениях с окружающим его миром заданы изначально. Отсюда продукты психической деятельности, которыми обмениваются люди, — мнения, взгляды, убеждения — в принципе у разных людей должны быть разными. Их одинаковость (единомыслие) скорее частный случай, исключение из правила. *Правилом является разномыслие!* По всей видимости, оно было всегда. Незаметное вначале, оно постепенно взяло на себя роль фермента-катализатора, доведя брожение умов в обществе до смены ориентиров, обозначающих его движение в историческом времени.

8 Говорить о разномыслии нельзя, не определив суть этого феномена. Время своевольно распоряжается значениями слов, непредсказуемо наделяя приоритетом и особым смыслом обозначаемые ими явления. Ведь далеко не однозначным является, например, слово «разный». Словарь рекомендует различать такие его значения: 1. Разный (*несходный с другим, с другими в чем-либо, в каком-либо отношении*): Разные характеры. Разные вкусы. 2. Разный (*о двух или нескольких лицах, предметах, понятиях: не один и тот же, не тот же самый*): Двигаться в разных направлениях (Словарь синонимов... 1971: 347). Синонимы этих значений *разлигный, неодинаковый*, ссылки на слова, весьма близкие по смыслу, такие как *разнообразный, разнородный*, помогают зафиксировать семантическое поле искомого словоупотребления. С помощью слова «разный» можно создать собирательные понятия, способные объединять несходные между собой, различающиеся явления (предметы, признаки), не образующие к тому же какого-либо единства. Одно из таких существительных — РАЗНОМЫСЛИЕ — отражение множественности мнений и взглядов, разнообразия точек зрения, несогласия во мнениях. Как всегда, выручает В. Даль, предлагая видеть за этим существительным *разлигные мысли, заботы, думы, бродящие в голове, неодинаковые убеждения, помыслы, скорее всевозможные, всякие или всяческие* (разг.), чем *просто непохожие* (Даль, 1989).

Однако для Даля, как человека, жившего в пору, свободную от влияния разрушительных идеологий, любое слово было не более чем элементом народной речи, живого русского языка, иллюстрацией склада ума и характера его носителей. XX век изменил внутриязыковую ситуацию и ликвидировал нейтралισμό словоупотребления, свойственный естественному течению народной жизни. Революция вторглась в семантику слов и стала навязывать нейтральным понятиям идеологизированные смыслы. Разномыслящий индивид перестал быть человеком, думающим и рассуждающим не так, как остальные. Идеология сделала его «не нашим», «чужим», занеся его своемыслие в число заведомо осуждаемых революционной моралью свойств. «И тот, кто сегодня не с нами, / Тот — против нас!» Специфика слова «разномыслие» в русском языке сегодня такова, что оно означает *необщее понимание и отношение к социальной жизни*.

Представлю теперь результаты одной, не постесняюсь сказать, путеводной для меня работы (см.: Чернышев 1995) по поиску особого смысла в русском языке слова «иной». Его родословная берет начало от старого индоевропейского корня с базовым значением «один». Не случайно в глубинах древнерусской речи образовалось понятие «инок», монах — «единственный, одинокий, отшельник».

Второе значение слова «иной» — *некоторый, один элемент из множества*. Третье значение — *другой, не такой, не этот, или «инакий»*, по-старому. Наиболее важный комментарий к третьему значению слова «иной» состоит в том, что его издавна связывают с новизной, указывающей на контраст и противопоставление одного другому. Влияние архаики в данном случае оказалось сильным. От него возникло прочно укорененное в современном лексиконе, издавна животрепещущее и злободневное слово — **ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ** — тот, кто мыслит иначе, держится иных, других убеждений, бросая вызов окружению, обществу и власти (Там же: 9–10).

Автор процитированной работы, С. Чернышев, приводит два примера. В 20-е годы XVII века в Московии появился литературный памятник «Иное сказание». Имя автора не сохранилось, но в исторической памяти отложилось, что неизвестный сочинитель поновому трактовал события русской Смуты, описанные ранее в «Сказании Авраамия Палицына». Слово «иное» здесь с большой вероятностью означало сомнение в старом, в устоявшемся взгляде, принятом тогдашним российским обществом. Второй, главный для нас пример — Пушкин, который довел употребление слова «иное» до возможности подчеркнуть резкое отличие, «сформулировать антитезу» (если говорить о языковых средствах) и создать «новую понятийную сетку» (если говорить о содержании, о порождении новых смыслов, в том числе социальных). Чернышев пишет, что есть у Пушкина «тоска по новой социологии», и в качестве аргумента ссылается на известные строки поэта «Не дорого ценю я громкие права...», вошедшие в число его творений под вымышленным заглавием «Из Пиндемонти» (см.: Пушкин 1949: 244):

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова —
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая мне дорога свобода;
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Я согласился бы с этим утверждением, но добавил бы, что Пушкин тосковал по полнокровному органичному Бытию, новым основам гражданской жизни и потому наделил слово «иное» особой

10 знаковой ролью, обозначением личного несогласия с тем, что есть, что делают другие, и целями, к которым они стремятся.

Нет, не нейтральное это слово — «иное», оно требует обозначать картину мира и связывать ее с землей обетованной — Россией, изменять язык описания (изображения) страны под влиянием латентной семантики слова, обновленного смысла, который в себе это слово заключает. Не случайно слово «инакомыслящий» имело такое приглушенное толкование в словаре Ожегова (Словарь русского языка 1952: 211), вышедшем в сталинское время. Помета *устар.* — *устарелое* — задавала нормативное отношение к слову и обозначаемому им явлению. Мол, им раньше называли человека, имевшего другой образ мыслей, а сейчас (в начале 1950-х годов) таких людей едва ли встретишь.

Инакомыслию и разномыслию, как явлениям социальным, в советском обществе образца 1952 года места не было. Не было этих слов и в словарном составе русского языка, относящегося к указанному времени. Словарь особым образом выделял канонические черты советской общественной системы — единодушие, единство, единомыслие. Правда, при толковании слова «единомышленник» словарь предусматривал два его значения: 1. Единомышленник — *человек, который находится в полном единомыслии с кем-нибудь*. 2. Единомышленник — *сообщник в каком-нибудь деле*. Фразеологическую иллюстрацию словаря ко второму, тогда зловещему значению упомянутого слова (*Выдал своих сообщников*) в то время понимали все.

Разрушить монолит единомыслия, сформировавшийся к концу сталинского правления, значило прийти к распространению в обществе раскрепощенных форм общественного сознания, какими правомерно можно считать разномыслие и инакомыслие. В первом случае человек приступает к реконструкции картины мира, не порывая с конституирующей этот мир идеей, что не мешает ему быть ее серьезным критиком. Во втором случае ментальная картина мира радикально меняется под влиянием другого типа устройства общественной жизни.

Теперь настало время сказать несколько слов о самой книге. Помимо раздела *От автора*, она включает в себя три главы (гл. 1. *Классическая советская эпоха*; гл. 2. *Последние годы сталинской власти*; гл. 3. *От коллективного ослепления к индивидуальному прозрению*), раздел *Вместо эпилога* и документальное *Приложение*.

Главная цель книги — попытаться найти истинный подход к оценке меры и степени влияния сталинизма на сознание человека.

Его следует искать в пространстве, отделяющем две взаимоисключающие точки зрения. Согласно первой из них, идеология советского (сталинского) общества была тотальной, перейдя в быт, в сферы личной жизни людей. Здесь особь, как бы ее ни называли (человек советский, *homo soveticus*, советский гражданин, сталинская личность), формировалась целиком условиями, институтами и нормативными требованиями социальной среды или, вернее, тоталитарным государством, Левиафаном. Согласно второй точке зрения, в обществе существовали возможности для взаимодействия людей и сохранения себя, позволявшие выживать, не утрачивая, не теряя человеческого начала. В итоге имела место непрерывная, часто подспудная трансформация форм мышления, порождавшая собственные взгляды людей на мир.

Завершив исследование, я рискую поставить под сомнение идею едва ли не абсолютной монолитности (единомыслия) советского общества в послевоенные годы, не говоря уже о более поздних периодах. К этому выводу я пришел несколькими путями.

Путь первый — экспертиза прочности опор советской системы, коими были культура и человек классической советской эпохи, созданные по сталинским чертежам (гл. 1, разд. 1.1, 1.2).

Превращение культуры (разд. 1.1) в средство классовой борьбы и «служанку политики» (В. Ленин) сделало ее крайне односторонней, несущей на себе следы идеологии строительства коммунизма, *неспособной к пробуждению творческих сил человека*. Источником формирования этих возвышенных качеств в реальности часто выступала неофициальная культура, которую советское государство признало лишь в предзакатную пору своего существования.

Подводя итог исследованиям человека советского (разд. 1.2), я хотел обратить внимание читателя на результаты Гарвардского проекта (массовое обследование перемещенных лиц из числа бывших советских граждан на территории Западной Германии, Австрии, США в 1949–1950 годах). Тот факт, что респонденты не испытывали гнета цензуры и могли открыто выражать свое мнение, позволил научно обосновать, что в самую что ни на есть классическую советскую эпоху — в 1930-е годы и в послевоенный период, вплоть до смерти Сталина, — лояльность режиму никогда не достигала абсолютного значения.

Эти выводы со всей необходимостью побудили меня тщательно проанализировать феномен «двоемыслия» (разд. 1.3). «Маска» «двоемыслия» стала своеобразным компромиссом с режимом в условиях сохраняющихся цензуры и репрессий, когда человек начал прибегать к сокрытию собственных мыслей, веря, что общество в конце концов обретет способность сопротивляться лжи. Это дало повод

12 говорить о бифуркации, раздвоении культуры на два «тела»: одно из них удерживало людей в рамках официальных предписаний и норм, в рамках политического канона; другое помогало создавать и поддерживать островки альтернативной и даже независимой жизни индивида вне официальной сферы и, как следствие, вело к возникновению «зазоров» между тем, что хотел и требовал молох партийно-государственной власти, и тем, что происходило на самом деле. Эти «зазоры» суть элементы, островки социального пространства (сфер жизнедеятельности), куда вездесущая власть могла с трудом добираться, или зоны, не подвластные ее влиянию, где человек мог самостоятельно думать и поступать согласно своим понятиям. Я назвал эти сферы суверенными территориями разномыслия и отправился на их поиск, предварительно выбрав объект изучения и соответственно исторический период, на фоне которого и рассматривается феномен разномыслия (*разд. 1.4*).

Люди, родившиеся перед Первой мировой войной и в первое послереволюционное десятилетие, прошедшие социализацию в условиях победившего социализма, стали *первым и практически единственным, собственно «советским» поколением*, доминировавшим в 1930–1940-е годы, то есть в период кризисного формирования общества, войны и первых послевоенных лет. Именно эти люди образовали первое, и последнее, поколение, которое прошло «закалку» массовым террором, милитаристской муштрой, подчинением и противостоянием, массовым голодом и осталось скованным советскими канонами и стандартами поведения. Время, когда оно доминировало, стало «его собственным временем» (Ю. Левада). С известными оговорками и ссылками на теорию поколений я отнес сюда своих сограждан, родившихся между 1910 и 1928 годами. Однако было еще одно поколение, которое имело прямое отношение к теме разномыслия. Генетически это дети собственно «советского» поколения. Итак, отцы и матери, люди, построившие социализм в одной отдельно взятой стране и сумевшие отстоять его в смертельной схватке с фашизмом, и их наследники — сыновья и дочери — стали объектами непосредственного моего внимания.

Путь второй — обращение к послевоенному прошлому страны. Вторая и третья главы имеют одинаковую структуру и начинаются с разделов, которые вводят читателя в атмосферу последних лет сталинского правления (1945–1953) и эпохи Хрущёва (1953–1964) (*гл. 2, разд. 2.1; гл. 3, разд. 3.1, 3.2*). Исторические «предисловия» к двум эпохам позволили увидеть, как власть начала утрачивать свою демоническую силу. Решающими факторами здесь были ее непоследовательность, насилие и произвол, грубые ошибки и просчеты, постоянно возрастающий элемент

случайности, волюнтаризма при разработке и реализации политики руководства жизнью и развитием страны. Десакрализация, развенчание, казалось, едва ли не божественной власти Сталина и партии над народом помогали людям постепенно избавляться от страха перед ее всесилием.

Погружение в историю оказалось крайне продуктивным, в чем я, как автор, старался убедить читателя.

Путь третий (замечу, основной и самый сложный для меня) — анализ и описание собственно разномыслия, точнее говоря, практик и сред разномыслия, характерных для двух сопоставляемых поколений (отцов и детей) в сталинское и хрущёвское время (гл. 2, разд. 2.2 — соответственно разд. 2.2.1 и 2.2.2; гл. 3, разд. 3.3). Эти части книги я представляю читателю с особым волнением как отражение многолетнего и бесценного опыта моих сограждан-современников, опыта глубинного подспудного *сохранения себя как личности в толпе*. Однако в разделе *От автора* я заранее отказался от ссылок на отдельные факты и события, а также от предварительных оценок с целью благожелательной настройки читательского восприятия. Скажу лишь, что я стремился раскрыть богатейшую феноменологию разномыслия, которое в своих сложных играх со временем и властью оказалось подобным русскому языку. Напомню, что наш родной язык нашел в себе кураж (смелость) и силы не внять упрощающим повелениям, исходили ли они от средств большевистской массовой пропаганды или самого вождя, выступившего в 1950 году с работой «Марксизм и языкознание», где не только мысль о расхождении языка, но даже намек на него объявлялся крамолой. «Кто-то проклинал, кто-то травил анекдот, кто-то писал дневник, и все это было проявлением множественности, даже проблесками свободы. Их гасили, а они, покорно погаснув, разгорались опять и опять» (Турбин 1991: 350).

Назову еще один, четвертый путь, который стал для меня абсолютно неизбежным — не столько по научным, сколько по этическим основаниям. Писать о советских временах отстраненно, безучастно, в третьем лице для меня было бы безнравственно. По этой причине книга включает в себя мои личные свидетельства и критическое восприятие прожитой жизни (гл. 2 и 3 — соответственно разд. 2.3. и 3.4), а также документальное *Приложение*. Одно из таких свидетельств, надежно подкрепленное документами, заслуживает того, чтобы о нем сказать особо. В *Приложении* впервые публикуются материалы, связанные с передачей Ленинградского телевидения «Литературный вторник», прошедшей во Всесоюзный эфир 4 января 1966 года, минуя цензуру. Это был, пожалуй, первый случай в истории советского телевидения, когда оно около двух

14 часов было полностью свободно от цензуры. В 2006 году минуло 40 лет со дня этого события, которое я считаю выражением прорывающей сквозь препоны цензуры протоперестроечной гласности и нормального (для свободной страны!) телевизионного разномыслия. Недаром о передаче помнят не только ветераны советского телевидения, но и ветераны-зрители. Надеюсь, что моя книга поможет передать XXI веку память об этой передаче как эстафету.

Оговорюсь: не все события, которые определяют содержание книги, в одинаковой степени отразились в моей памяти и жизненных впечатлениях. О части из этих событий я смог сказать лишь то, что я их формальный свидетель и современник. Линия судьбы такова, что они не стали источником и причиной моих глубинных переживаний в моменты их свершения. Рефлексия во многих случаях возникала позднее, в более зрелую пору жизни, когда приходилось с головой погружаться в волны исторических перемен, определять, а порой и переопределять свое отношение к тому, что происходило в твоей же собственной стране. Человеческий, профессиональный, да и гражданский долг стали главными причинами напряжения памяти, мобилизации творческих сил и настройки моего сознания на волну анализа *собственного разномыслия*. Пик этой рефлексии пришелся на конец минувшего и начало нынешнего века, когда и я, и мои сверстники не столько пытались оглянуться на прожитое время, сколько хотели понять его в необходимых деталях в назидание самим себе и для пользы молодых граждан новой России, знающих о советской эпохе лишь понаслышке.

Социальная история разрушения монолита советской системы нуждается в современном и непредвзятом освещении. И делать это уже придется молодым поколениям, родившимся и вступившим на жизненный путь в условиях обновленной России. Бесспорно, эта история будет многократно переписываться ввиду постоянного открытия новых фактов и документов. Но все же я вижу особую пользу в том, чтобы первый ее анализ был сделан теми, чья сознательная жизнь и деятельность пришлись на советское время.

* * *

Работа над книгой осуществлялась с помощью информационной базы, в которой в течение многих лет накапливались результаты поисков и изучения научной литературы, периодики, архивных документов по теме проекта. Мое исследование советского прошлого было в значительной степени облегчено благодаря самоотверженному труду и разысканиям отечественных историков, сумевших в последние годы восстановить во многих существенных чертах по-

литику и повседневность послевоенного советского общества. Особо хочу подчеркнуть уникальность многих книг, опубликованных историками, включая архивистов, в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). Они во многом определяют дискурс советской жизни, на который с неизбежностью опираются социологи, политологи, культурологи, социальные психологи нынешней России.

Еще одним важным источником оказались мемуары, написанные моими современниками-сверстниками. Не скрою, что я всегда испытывал особый интерес к этому жанру и без страха «ходил» по «минным полям субъективности» ради поиска фактов, работавших на мои собственные убеждения. Субъективно (но не предвзято) я подошел к отбору авторов воспоминаний. Это люди, чья нравственная позиция во многом совпадает с моей, чьи взгляды являются опорой моего мироощущения, кому я доверяю больше, чем продолжающим лгать официальным источникам и персонам. Разномыслие — надежный способ иммунной защиты от пандемии вранья, окутавшего Россию.

Как адепт компьютеризации, я хотел написать свою книгу в форме собрания самостоятельных «папок» и «файлов», в полной мере отражающего логику сбора и анализа первичных данных. В итоге дискретность содержания всей книги стала ее важной особенностью. Чтобы закрепить это свойство, я в отдельных, наиболее важных случаях не столько преобразовывал в конспект первичные источники (книги, статьи, документы), сколько делал из них целостные извлечения ради сохранения семантики и своеобразия языка первичных текстов. Места в книге, где наряду с титульным автором звучат голоса других суверенных авторов, набраны в ином формате, чем основной текст книги.

Во время работы над книгой ушли из жизни три героя моего повествования.

16 ноября 2006 года скончался *Юрий Александрович Левада* (г.р. 1930). С первых дней своей научной деятельности, начавшейся полвека назад, и до трагической минуты, когда остановилось его сердце, он олицетворял в моем сознании образ человека, чьим девизом была борьба за свободу мысли. Созданный при его участии и руководимый им ВЦИОМ (1992–2003 годы), на смену которому в марте 2004 года пришел Аналитический «Левада-Центр», стали точками роста российской социологии, а сам Юрий Левада — глашатаем бескомпромиссных гражданских взглядов, выразителем общественного мнения россиян, открывателем глубоких

16 и всегда своевременных социологических истин. Содержание всей моей книги опирается на его прозорливые идеи.

21 апреля 2007 года не стало *Юрия Николаевича Давыдова* (г.р. 1929), заведующего сектором Института социологии РАН. Выдающийся ученый, он создал отечественную школу истории и теории социологической науки. Им написана четырехтомная история теоретической социологии. Занятия профессией были связаны для него с высоким гражданским призванием.

18 сентября 2007 года умер *Борис Андреевич Грушин* (г.р. 1929). Блистательный ученый, яркий и многогранный человек, прекрасный и верный товарищ, Грушин всегда поражал неистощимостью своих талантов, предлагая идеи и проекты, которые только ему и были по плечу. Его жизнь в науке была отмечена масштабными свершениями – начиная от создания Института общественного мнения газеты «Комсомольская правда» в зыбкую пору оттепели (о чем достаточно подробно повествуется в моей книге) и кончая его последним «сумасшедшим» проектом «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина», к сожалению, оставшимся незавершенным.

Я хорошо знал всех троих, был связан с ними нерасторжимыми человеческими и профессиональными узами, опирался на их умную силу и потому без колебаний принял их мирочувствие за эталон бескомпромиссного социологического разномыслия.

В заключение я хотел бы выразить глубокую благодарность:

прежде всего, ректорату Европейского университета в Санкт-Петербурге, а также руководству и сотрудникам Государственного архива Российской Федерации и Петербургского НИЦ «Мемориал» – за всестороннюю поддержку и заинтересованное соучастие в создании книги;

рецензентам, взявшим на себя нелегкий труд прочесть эту книгу, – А.Н. Алексееву и О.В. Хархордину; добровольным консультантам – Б.З. Докторову, Д.Н. Кену Г.Г. Лисицыной; соратникам по совместной борьбе за человекоцентричное телевидение в «оттепельную пору» – И.Б. Каракозу, Р.Д. Копыловой, И.А. Муравёвой, Б.И. Шварц; другу со школьных и институтских лет – В.Г. Лыскову – за мудрые советы, полезные замечания и деликатное восполнение лакун авторской памяти, связанных с изучаемой эпохой;

коллективу библиотеки ЕУСПб во главе с О.В. Лапенайте – за неутомимый и неизменно успешный поиск научной литературы

по запросам дотошного автора; И.В. Вахтиной и Н.Б. Вахтину – за разрешение первой публикации материалов личного архива Б.Б.Вахтина.

Бесценную помощь мне оказали редактор книги Е.И. Васьковская, приложившая героические усилия по расчистке рукописи от авторских словесных завалов и косноязычия; референт Н.А. Иванова, без усталости несколько лет копировавшая потоки рабочих материалов; Т.Б. Николаева, как всегда, осуществившая компьютерный набор книги с непостижимой для меня скоростью. Всем им я говорю душевное спасибо.

Свою особую признательность я выражаю Московскому отделению Фонда Форда за моральную и материальную поддержку индивидуального проекта «Разномыслие в СССР» и терпеливое ожидание окончания работы автора над рукописью, без чего эта книга не увидела бы свет.

Б. Фирсов
Ноябрь 2007 года

...Альтернатива диссидент — конформист не истощивает ни социальных позиций, ни психологического склада людей. Одно состояние умонастроений я бы рискнул вписать между этими вечными антагонистами. Это случай, когда ты еще не можешь бросить вызов социальному порядку, идеологии, «верхам», но уже не хочешь пассивно следовать велениям власти, бездумно принимать существующий status quo и слепо верить в справедливость господствующих в стране социальных взглядов и учений. «Неправдой искривлен мой рот», — писал когда-то О. Мандельштам. Лжецами мы не рождались, но становились ими под влиянием укоренившихся правил советской жизни. Впрочем, святости в отношениях с истиной и правдой не хватало как государству, так и гражданам. Поэтому все мы не только свидетели-праведники, невинные жертвы обмана, но также прямые и косвенные участники свершений, заблуждений и преступлений своего времени...

Б. Фирсов